

Е. Ю. Шестакова¹

✉ shestackova.lena2013@yandex.ru

¹Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) Федерального университета имени М. В. Ломоносова в г. Северодвинске, г. Северодвинск, Российская Федерация

Образ ребенка в автобиографических произведениях о детстве писателей русской эмиграции первой волны

Аннотация: Целью настоящего исследования стало рассмотрение особенностей художественного воплощения образа ребенка в автобиографических произведениях о детстве писателей русской эмиграции первой волны. Материалом исследования стали роман «Лето Господне» И. С. Шмелева и повесть «Детство Никиты» А. Н. Толстого. Методологической базой исследования послужили сравнительно-исторический, историко-литературный, биографический, сравнительно-типологический методы, принцип целостного анализа идейно-художественной структуры произведения. Полученные результаты показали, что в обоих произведениях детство предстает счастливой, безмятежной порой. Авторы передают особенности детского мировосприятия и миропостижения, разнообразие и богатство чувственной и мыслительной сферы героев-детей. Ведущей темой произведений стало изображение формирования и становления детской души. Дети предстают первооткрывателями окружающего мира, постигают первоосновы «вещного» бытия. Отличия в постижении мира детства и внутренней природы ребенка, реализованной в произведениях, состоят в изображении культурной среды, в границах которой происходит воспитание детей. И. С. Шмелев воссоздает образ мира, обладающий сакральным значением. Модель христианского мира, доминантная в шмелевском романе, диктует специфику изображения темы детства, неразрывно связанной с православным мировоззрением. Текстовое пространство повести А. Н. Толстого находится вне философско-религиозного контекста. Вместе с тем глубокая связь героев-детей с народной жизнью и культурой становится общей чертой произведений.

Ключевые слова: образ ребенка, тема детства, автобиографические произведения, И. С. Шмелев, А. Н. Толстой, литература русской эмиграции, православно-религиозные мотивы.

Дата поступления статьи: 24 января 2023 г.

Для цитирования: Шестакова Е. Ю. (2023) Образ ребенка в автобиографических произведениях о детстве писателей русской эмиграции первой волны. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 3, с. 16–27. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.3.2.

Scientific article

Е. Yu. Shestackova¹

✉ shestackova.lena2013@yandex.ru

¹Humanitarian Institute of the branch Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov in Severodvinsk, Severodvinsk, Russian Federation

The image of a child in autobiographical works about childhood by the writers of the Russian emigration of the first wave

Abstract: The purpose of this study was to consider the features of the artistic embodiment of the image of a child in autobiographical works about childhood by the writers of the Russian emigration of the first wave. The research material was the novel “The Summer of the Lord” by I. S. Shmelev and the story “Nikita’s Childhood” by A.N. Tolstoy. The methodological basis of the research was the comparative-historical, historical-literary, biographical, comparative-typological methods, the principle of a holistic analysis of the ideological and artistic structure of the work. The results showed that in both works childhood appears as happy and serene time. The authors convey the peculiarities of children’s world perception and world comprehension, the diversity and richness of the sensory and mental spheres of the child heroes. The leading theme of the works was the image of the formation and formation of a child’s soul. Children appear

as discoverers of the surrounding world, comprehend the fundamental principles of material existence. The differences in the comprehension of the world of childhood and the inner nature of a child, realized in the works, consist in the image of the cultural environment within which the upbringing of children takes place. I.S. Shmelev recreates the image of the world, which has a sacred meaning. The model of the Christian world, dominant in Shmelev's novel, dictates the specifics of depicting the theme of childhood, inextricably linked with the Orthodox worldview. The text space of the story by A.N. Tolstoy is outside the philosophical and religious context. At the same time, the deep connection of the child heroes with folk life and culture becomes a common feature of the works.

Keywords: the image of a child, the theme of childhood, autobiographical works, I.S. Shmelev, A.N. Tolstoy, literature of Russian emigration, Orthodox-religious motives.

Paper submitted: January 24, 2023.

For citation: Shestakova E. Yu. (2023) The image of a child in autobiographical works about childhood by the writers of the Russian emigration of the first wave. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 3, pp. 16–27. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.3.2.

Введение

Революционные потрясения 1917 года послужили причиной эмиграции многих деятелей отечественной культуры. Оказавшись вдали от родины, русские писатели обратились к воспоминаниям об утраченной России, тесно связанным с памятью о детстве. И. С. Шмелев (1873–1950) и А. Н. Толстой (1883–1945) пишут автобиографическую прозу, в центре которой находится образ ребенка и тема детства. Создавая свои произведения, они продолжают традиции, заложенные их литературными предшественниками: Ф. М. Достоевским, Н. С. Лесковым, А. П. Чеховым.

Значимым ориентиром для русских писателей-эмигрантов стало осмысление темы детства, представленное в повестях Л. Н. Толстого «Детство» (1852) и С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» (1858). В произведениях поэтизируется пора детства, называемая «золотой порой», насыщенная счастливыми и радостными событиями. Вслед за своими литературными предшественниками И. С. Шмелев и А. Н. Толстой показывают наивность первой детской любви, передают ощущение наслаждения жизнью героями-детьми. Вместе с тем писатели-эмигранты, как Л. Н. Толстой и С. Т. Аксаков, раскрывают причины огорчений маленьких героев, обращаются к воссозданию конкретно-образного мышления ребенка.

В восприятии героев-детей быт предстает не обыкновенным, но чудесным, интересным, полным загадок и тайн. Основная тема русских произведений о детстве – формирование детской души. Образ ребенка помещается в центр повествования. Его окружают уют дома и заботливое внимание окружающих, семьи.

Л. Н. Толстой и С. Т. Аксаков важную роль в формировании личности ребенка отводили родной природе. Эта традиция нашла отражение в произведениях о детстве И. С. Шмелева и А. Н. Толстого, в которых герои-дети предстают маленькими естествоиспытателями, «открывающими» вещи и предметы, а также художниками, по-особому видящими окружающий мир. Иными словами, в русских произведениях, обращенных к теме детства, раскрывается влияние на душу героя природных и общественных факторов, развитие сознания (критического мышления), источником которого являются чтение, природа и общение с людьми. Формирование характера ребенка происходит через столкновение с противоречиями окружающего мира.

И. С. Шмелев создал роман «Лето Господне» во время эмиграции во Франции. В 1927 году были написаны первые главы, первая часть книги («Праздники») – в 1933 году. В процессе размышлений над тем, какой стала советская Россия, в художественном сознании И. С. Шмелева возникает образ дореволюционной Родины как контраст и Советам, и чужой Франции, как воспоминание о том, что было разрушено и утрачено. В 1925 году И. С. Шмелев сообщил П. Б. Струве, главному редактору крупнейшей эмигрантской газеты «Возрождение»: «В записях и в памяти есть множество кусков, – они как-нибудь свяжутся книгой (в параллель “Солнцу мертвых”). Может, эта книга будет, – “Солнце живых” – это для меня, конечно. В прошлом у всех нас, в России, было много Живого и подлинно светлого. Что быть может навсегда утрачено. Но оно

БЫЛО» (Шмелев, 1980, с. 8). О том, что было, что живет и ждет возрождения, И. С. Шмелев захотел напомнить русскому читателю, рассказать русским детям, находящимся за границей. Задачей писателя стало изображение истинной России, ее нетленного облика, в противопоставление советской России, где льется кровь и творятся страшные беззакония. Русской идеей, идеалом для И. С. Шмелева явилась православная вера, которая в эмиграции осталась единственным напоминанием о России, настоящим духовным утешением для изгнанника. Эта вера строила и направляла всю прошлую многовековую жизнь России, давала ей основу и подлинность, была сердцем национальной культуры и стержнем для русской души. И. С. Шмелев пишет своему другу профессору И. А. Ильину: «Слава Богу, если мое “Лето Господне”, сохранившее то благостное, что было на нашей земле, или, казалось, было, благостно тронуло сердца ваши, друзья. Столько ведь мерзостей старались находить в русской жизни, <...> что в должное поставил порываться в сердце, вспомнить себя и объяснить себе, да откуда же во мне тоска по родному, вздохи и слезы порой <...> не от мерзостей же» (Ильин, 2000, с. 359). Лучшую оценку своей повести дал сам И. С. Шмелев: «Если бы осталось в родном слове только “Богомолье” и “Лето Господне” – почел бы оправданием для себя невеселое бытие мое на сей земле» (Ильин, 2000, с. 371).

Повесть А. Н. Толстого «Детство Никиты», написанная в 1922 году, была задумана как рассказ для одного из детских эмигрантских журналов. «Никита – это я сам, мальчишка из небольшой усадьбы вблизи Самары, – рассказывал в 1935 году А. Н. Толстой чешскому писателю Ф. Кубке. – За эту книгу я отдам все свои предыдущие романы и пьесы. Русская книга и написана русским языком. Начал – и будто раскрылось окно в далекое прошлое со всем очарованием, нежной грустью и острыми восприятиями природы, какие бывают в детстве» (Оклянский, 1982, с. 57). Впервые повесть была опубликована в 1922 году в журнале «Зеленая палочка» и называлась «Повесть о многих превосходных вещах. Детство Никиты».

Целью настоящего исследования стало рассмотрение общих типологических черт в изображении героя-ребенка в автобиографических произведениях писателей русской эмиграции первой волны (на материале романа «Лето Господне» И. С. Шмелева и повести «Детство Никиты» А. Н. Толстого). Вместе с тем предполагается рассмотрение различий в авторских подходах к теме детства в текстах, избранных для анализа.

Методы

В исследовании использованы сравнительно-исторический, историко-литературный, биографический, сравнительно-типологический методы, принцип целостного анализа идейно-художественной структуры произведения. Кроме этого, в работе применялись общенаучные методы наблюдения, описания и сравнения.

Результаты

В центре повествования романа И. С. Шмелева «Лето Господне» и повести А. Н. Толстого «Детство Никиты» находится образ ребенка. Ване, герою шмелевского романа, – 7 лет, Никите из «Детства Никиты» – 10 лет. Оба произведения написаны в реалистической традиции. Характеры, созданные писателями, во многом сближаются, у них есть сходные личностные качества. Героев объединяют свойственные детскому возрасту восприятие, специфика мышления. В то же время каждый из них индивидуален, что обусловлено врожденными свойствами натуры, социальным происхождением, воспитанием и теми художественными задачами, которые ставили перед собой авторы, создавая детские образы.

Ваня воспитывается в православной культуре, которая пронизывает все стороны его жизни, наполняет особым содержанием каждый прожитый день. В первую очередь это верующий ребенок с чистым и наивным взглядом на окружающий мир. Личность Никиты формируется простою и дружеской открытостью отношений с учителем Аркадием Ивановичем, ласковостью и нежностью матери, общением с крестьянскими мальчиками, участием в сельскохозяйственных работах.

Вместе с тем Ване и Никите свойственны яркость, свежесть эмоциональных проявлений. По утрам мальчики просыпаются от счастья. Ваня, открыв утром глаза, испытывает радость от

ощущения Божественного присутствия в мире. Все, его окружающее, оказывается наполнено высшим смыслом. Причина радости Никиты – в чувстве первой любви к девочке Лиле. Эмоциональное состояние героя определяется ощущением присутствия в обыденной реальности чего-то волшебного, неведомого, сказочного: «Только в зачарованном царстве бывает так странно и так счастливо на душе» (Толстой, 2016, с. 7). Образ «зачарованного царства» тесно связан с мотивом сказочности и волшебства, отчетливо звучащим в тексте повести «Детство Никиты».

Ваня испытывает радость, одухотворяя предметный и природный мир, воспринимая его как драгоценное творение Господа, мечтая воочию увидеть ангелов: «По таким полосам, от Бога, спускаются с неба Ангелы, – я знаю по картинкам. Если бы к нам спустились!» (Шмелев, 1980, с. 10). Шмелевский герой с радостью наблюдает за воздушными шарами, летающими за окнами, и сравнивает их с пасхальными яйцами. Обыденные вещи в детском восприятии одухотворяются, наделяются несвойственной им характеристикой. В словосочетании «воздушные яйца» соединяются понятие «шары» и «пасхальные яйца», и это является не просто олицетворением, но одухотворением предметного мира. Для Вани, в отличие от Никиты, необычным, загадочным, источником истинной радости становится присутствие Христа на земле. Мальчик испытывает счастье от знания о чудесном воскресении Спасителя в предпасхальный день «Но уже бьется радость: воскреснет завтра! Смерть – это только так: все воскреснут» (Шмелев, 1980, с. 12).

Специфику мышления ребенка И. С. Шмелев передает с помощью особых синтаксических конструкций, характеризующихся предельной сжатостью, пропуском слов. И. А. Ильин писал о языковом и стилевом своеобразии романа «Лето Господне»: «Перерыв, пауза, растяжка – все служит главной линии рассказа. Пауза – смысловой отрыв, эмоциональный перерыв. Фраза задохнулась и – рвется» (Ильин, 1991, с. 58). Смысловое и шрифтовое выделение слова *Так* позволяет насытить его значениями, которые подразумеваются и раскрываются читателем: «не стоит бояться смерти», «временное состояние», «естественный переход из мира живых».

Объединяет маленьких героев двух произведений их способность опредмечивать эмоциональные состояния и абстрактные понятия (чувства), что является характерным свойством детского мышления. Никита пытается передать чувство счастья предметно, через метафорическое сравнение с музыкальной шкатулкой. Первая любовь затрагивает «струны души» мальчика и заставляет «нежно и весело» вертеться «музыкальный ящик» (Толстой, 2016, с. 74) внутри. Ваня ощущает, что в нем «бьется радость» (Шмелев, 1980, с. 14), подобно сердцу. В этом сравнении передано соединение действия органа человеческого организма и эмоционального радостного переживания.

Ощущение счастья, переживаемое Никитой и Ваней, возникает и тогда, когда дети включаются в атмосферу радости и веселья окружающих людей. Так, Никита переполняется чувством счастья, наблюдая за молотью хлеба, радуясь шуткам, играм крестьянских девушек и рабочего Антона. Подчеркивая особенность мышления ребенка, А. Н. Толстой передает его восприятие через восклицание: «Вот было смеху!» (Толстой, 2016, с. 35). Отдельно отметим, что Е. Г. Муценок обращала внимание на множественное употребление глагольной лексики в толстовской повести (Муценок, 1983, с. 25), что придает движение, динамику как произведению в целом, так и его отдельным эпизодам. Передавая радость народа, автор использует глаголы «защекотали», «раздаются», «валят».

Ваня проникается атмосферой веселья, которая объединяет играющих в снежки рабочих, приказчика Василия Васильевича и отца во время совместной работы по вырезке льда для погребов весной. Эмоциональное состояние мальчика передается с помощью слов «рад», «смеется», «смешно». Описывая картину общей работы, наполненной шутками и смехом, И. С. Шмелев прибегает к активному использованию глаголов движения: «толкает», «летит», «падает», «выбирается», «отряхивается», «грозится», «хватает», «начинает», «закидывают». В этом ряду встречаются слова разговорного стиля («гогочут», «швырять», «возьются»), употребление которых связано с участниками события. Общая ситуация совместной работы в обоих произведениях способствует возникновению атмосферы счастья и радости, которую ощущают маленькие герои. Труд осмысливается благим и радостным делом.

Чувство счастья, испытываемое Никитой, тесно связано с напевами и ритмами русской народной песни, передающими ощущение внутреннего слияния мальчика с окружающим миром природы. Так, радость от получения письма Лили выплескивается под стук скачущей лошади речитативом:

«Свисти, свисти, ветер! Лети, лети, птица орел! Кричи, кричи, чибис, – я счастливее тебя! Ветер, да я, ветер, да я» (Толстой, 2016, с. 38). Анафорический повтор передает ритм песни-присказки. Никита возвращается к национальным истокам, впитывая народную культуру. Обращаясь к народно-поэтическим традициям, герой переживает близкое внутреннее единение с природой. Отметим, что исследователь А. М. Крюкова увидела в повести фольклорные истоки, прямое словесно-образное совпадение с книгой А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (Крюкова, 1990, с. 16).

Образы птиц, сопряженные с мотивами свободы, счастья и радости, мотивируют, подготавливают изображение эмоционального состояния героя-ребенка в романе И. С. Шмелева. Запуск голубей в небо, пение соловья, канарейки – все это привносит чувство неземного наслаждения в жизнь мальчика. Радостное ощущение, переживаемое Ваней, в тексте передается короткими, отрывистыми предложениями: «Мне дают и еще, еще. Это такая радость! Я до того рад, что даже не вижу птичку, – серенькое и тепленькое у меня в руке» (Шмелев, 1980, с. 25). Радость эта, казалось бы, коротка и быстротечна. Секунда – и птица улетит. И в то же время теплое чувство остается в сердце ребенка навсегда.

Автору важно подчеркнуть, что основой счастливого, радостного ощущения для Вани становятся события православного календаря. Такого истового соединения с природой в ее первобытной стихийности, какая характерна для Никиты, герой И. С. Шмелева не испытывает. Причины его радостных состояний всегда включены в православно-религиозный контекст, связаны с христианскими праздниками. К примеру, в Благовещение, на взгляд Вани, «каждый должен обрадовать кого-то, а то праздник не в праздник будет» (Шмелев, 1980, с. 26). Этот праздник «такой великий, что никто ничего не должен делать, а только радоваться, потому что если бы не было Благовещения, никаких бы праздников не было Христовых, а как у турок» (Шмелев, 1980, с. 26). Маленький герой подчеркивает полную открытость православно-христианской культуре. Следует обратить внимание на особенности речи шмелевского героя, отражающие тесную связь со спецификой народного языка, с его «неправильностями и искажениями» (Ильин, 1991, с. 147). Герой И. С. Шмелева неразрывно слит с народной культурой, как и Никита.

В отличие от А. Н. Толстого, подчеркивающего народно-поэтические, языческие истоки русской культуры, И. С. Шмелев выделяет ее православно-религиозные основы. Это становится очевидным при обращении к языковому своеобразию романа «Лето Господне». Мотив счастья выражен через образ света (метафора «светлая радость»), тесно сопряжен с рядом других мотивов (покоя, тишины, слез). Такая эмоциональная окраска объясняется источником возникновения счастья – молитвой. В одном предложении объединяются слова «радостное», «тихое», «плакать»: «На душе у меня радостное и тихое, и хочется отчего-то плакать» (Шмелев, 1980, с. 56). При описании совокупности чувств, переполняющих душу Вани, И. С. Шмелев использует инверсионный порядок слов, придавая тексту особую поэтичность: «От сдерживаемой ли радости, от усталости этих дней или от подобравшейся с чего-то грусти, – я начинаю плакать, прижимаясь к отцу, что-то хочу сказать, не знаю!» (Шмелев, 1980, с. 56). И. А. Ильин отметил эту особенность стиля писателя: «Проза Шмелева выкована, как стихотворение. Она легка и естественна, и обоснована, и необходима. Это проза, но это и поэзия. Шмелев поэт уже по самому языку своему» (Ильин, 1991, с. 154). Исследователь Н. И. Пак подчеркивает «религиозно-мистическое мировоззрение» героя повести, обращение автора повести к поэтике древнерусской литературы, канонам православия: «Принцип создания образов персонажей, близкий древнерусской литературе, основанный на характеристиках через канонический портрет, и через поступки героев, свойственен для “Лета Господня”» (Пак, 2000, с. 35).

Жизнь маленьких героев произведений наполнена не только счастьем и радостью, но и горькими обидами. Степень серьезности «скорби» может колебаться от легкого огорчения, о котором говорится с юмором, до глубоких философско-религиозных переживаний. Так, Никита проявляет нежелание, свойственное многим детям, по утрам умываться и чистить зубы. Юмористическую окраску эпизоду придает использование слов «удрал», «насупился». Насыщенность повести «Детство Никиты» юмором отмечала Г. Г. Елизаветина: «Юмор – способ передачи особенностей

восприятия ребенком окружающего мира» (Елизаветина, 1985, с. 216). Недовольство тем, что Аркадию Ивановичу удастся встать раньше него, Никита выражает эмоционально окрашенными словами «расторопный», «хитрый», «пронюхал»: «Никитин учитель, Аркадий Иванович, все пронюхал еще с вечера и нарочно встал пораньше. Удивительно расторопный и хитрый был человек этот Аркадий Иванович» (Толстой, 2016, с. 23).

И. С. Шмелев, рассказывая о детских огорчениях Вани, тоже окрашивает эти эпизоды мягким юмором. Так, Ваня сердится на дразнящего его дворника Гришу. Эта ситуация описана отрывочными, короткими предложениями, приближенными к речи ребенка: «Я стал ему говорить, что не Семку, а семгу. А он все на смех. Я схватил лопату, да об тумбу и расколочил. И с того проходу мне не давал» (Шмелев, 1980, с. 77). Здесь используется «нежданно-естественная игра слов» (Ильин, 1991, с. 115). Мальчик, нарушивший пост, угнетен сознанием своей вины. Автор точно передает особенности речи огорченного ребенка: «Горкин ... я ... я съел ветчинки» (Шмелев, 1980, с. 43). С помощью несобственно-прямой речи показана, также окрашенная юмором, попытка Вани узнать, какой сюрприз приготовлен на именины отца: «Я Христом-Богом умолял сказать, – не сказал. Я ему погрозил даже, – не буду за него молиться, что-нибудь и случится с ним, детская-то молитва доходчива, всем известно» (Шмелев, 1980, с. 38).

Некоторые события, происходящие в жизни мальчиков, сподвигают их обращаться к более глубокому уровню осмысления, что способствует более быстрому пути взросления. Никита, ошеломленный первым чувством любви, испытывает потрясение в связи с отъездом Лили. Для передачи нахлынувших переживаний мальчика автор использует перифразы «застлало глаза», «пошли лучи от языка лампы» вместо «заплакал». Данную особенность языка А. Н. Толстого отметила Л. М. Поляк: «Использование перифраз в повести “работает” для подчеркивания конкретности мышления ребенка» (Поляк, 1964, с. 56). Функция перифраза – более ярко описать состояние главного героя – способствует глубокому проникновению читателя в мир чувств мальчика. В момент расставания с Лилей Никита думает: «Всему – конец» (Толстой, 2016, с. 59). Пропуск глагола «пришел» позволяет в более лаконичной форме показать состояние маленького героя. Последнее, что представляет Никита после отъезда Лили, – ее бант. Использование метонимии помогает автору передать особенности восприятия ребенка и состояние засыпающего мальчика. Понять и назвать свои чувства ребенок еще не способен, и потому чувства, которые он испытывает во сне, лишь фиксируются им: «Хотелось плакать от чего-то небывало-грустного» (Толстой, 2016, с. 59). Эпитет «небывалый» подчеркивает, что с Никитой происходит нечто, испытываемое им впервые в жизни. Мальчику открывается радость и грусть первого чувства любви.

Разлад с природой, родными людьми (матерью, Аркадием Ивановичем) вносит во внутренний мир Никиты дисгармонию. Описанию этого состояния посвящена глава «Домик на колесах». Воссоздание разобщенности героя-ребенка с тем, что было ему близко, строится с помощью ряда эпитетов: выражение физического состояния Никиты («сонный», «мокрый»), раскрытие душевных переживаний («встревоженный», «тревожно», «страшное»). Прием аллитерации использован автором при подборе слов, показывающих внутренний мир героя: «мутный», «муть», «мучило». Повторение слога «му» акцентирует внимание читателя на душевной муке, испытываемой мальчиком. Ассоциативная связь с образом «мутной воды» выражает значение перенесения природного состояния (загрязнение чистого родника) на человеческие чувства, когда внутренняя гармония разрывается конфликтом.

В главе «Домик на колесах», помещенной в повесть «Детство Никиты», появляются православно-религиозные мотивы: Никита остро переживает чувство собственной греховности и испытывает потребность в молитве. Молитва ребенка полна земных просьб и построена как обычный монолог: «Дай, Господи, чтобы опять было все хорошо. Чтобы мама любила, чтобы я слушался Аркадия Ивановича» (Толстой, 2016, с. 47). Обращение героя к Богу – это способ восстановить утраченную душевную целостность. Молитва становится просьбой мальчика о возвращении радости единения с окружающим миром природы: «Чтобы вышло солнце, выросла трава. Чтобы не кричали грачи так громко. Чтобы не слышать мне, как ревет бык Баян. Господи, дай,

чтобы мне было опять легко» (Толстой, 2016, с. 47). Эти слова передают стремление маленького героя к миру и гармонии. Исследователь А. М. Крюкова считает, что молитва Никиты связана с «просыпающимся в нем сознательным творчеством жизни» (Крюкова, 1990, с. 35). Мальчик становится личностью, которая сама сознательно создает жизненное пространство вокруг себя, строит взаимоотношения с другими людьми и окружающим миром в целом.

Как отмечает исследователь, «молитва – порыв сердца, чувства» (Тарасов, 1995, с. 23), и потребность в ней свойственна обоим героям. В обращении Вани к Богу также могут проявляться земные просьбы об исцелении отца и будущей поездке на дачу в Воронцово, где возможно будет собирать ягоды, грибы, ловить карасей. Это является выражением детского восприятия мира. Все же молитва Вани представляет собой иное явление и имеет другое наполнение, нежели у Никиты. Душа православного ребенка открыта любви, обращенной к Богу: «Что-то я постигаю в этот чудесный миг... – есть у людей такое... выше всего на свете... – Святое, Бог!» (Шмелев, 1980, с. 77). Смысловое выделение слова «Святое» подчеркивает православно-христианское наполнение чувств, мыслей маленького героя во время молитвы. За выученными словами проступает осознание мальчиком истинной, личной связи со Спасителем. Это помогает восстановить душевную гармонию, но на качественно ином уровне, чем в случае Никиты. Ваня постигает через молитвенное слово Божественное присутствие на земле, выходит к философско-религиозному осмыслению смысла и цели человеческой жизни и смерти.

Ване пришлось пережить трагедию смерти отца, что явилось величайшим скорбным событием, ознаменовавшим конец счастливого детства: «Главного героя умирающий отец потрясает. Он впадает в обморок, переживая ужас последнего прощания» (Злыгостева, 1995, с. 25). Ваня думает: «Чуть чем займусь – клею змей в сенях или обстругиваю для лука стрелу, вдруг вспомню: отец болен!» (Шмелев, 1980, с. 159) Ощущение первой серьезной трагедии проникает в жизнь героя. Автор, передавая чувства мальчика, строит предложение в инверсионном порядке с целью смыслового выделения второй части синтаксической конструкции («отец болен!»). Горе определяет и физическое состояние Вани, оно приносит болезнь не только души, но и тела: «ничего не вижу», «не могу смотреть», «душно и тошно» (Шмелев, 1980, с. 161). Трагедия смерти отца выводит маленького героя на уровень христианского понимания темы «человек и Бог». Мальчик приходит к мысли о справедливости Божественного устройства, несмотря на то, что происходит потеря близкого человека. Ваня размышляет как истинный христианин, принимая высшую волю.

Шмелевский герой поднимается до высоты прозрения духовного смирения и чистоты веры, на которую не способен иногда взрослый человек: «Я стараюсь думать, что папашенька не совсем умрет, до какого-то срока только... будет там, где-то поджидать нас. <...> И мы все уйдем туда, когда придет срок...» (Шмелев, 1980, с. 159). По мнению Е. С. Ефимовой, Ваня живет в атмосфере традиционного, повторяющегося, что помогает ему подняться до высшего осмысления смерти: «Мысль о скоротечности жизни не пугает, ибо все колоссальное время становится множеством раз пройденным, знакомым до мелочей. Мгновение жизни вбирает всю историю мира» (Ефимова, 1992, с. 36).

Никита и Ваня – дети, воспринимающие и ощущающие окружающий мир во всей полноте и разнообразии его красок, запахов, звуков. Никита подмечает все, что происходит и изменяется вокруг него. Эта чуткость к проявлениям мира природы передается обилием эпитетов: «морозные узоры», «снежно-белый свет», «чистый, нетронутый снег» (Толстой, 2016, с. 25). Мальчик подмечает солнечный зайчик на стене, висящую как шар луну. Он внимателен к внешним проявлениям чувств окружающих людей: «ласковому» и «ясному» взгляду матери, «страшно подмигивающему» (Толстой, 2016, с. 18) Аркадию Ивановичу. Окружающий мир для Никиты реализуется и в разнообразных звуках. Изображая это, писатель обращается к приему звукоподражания. А. Н. Толстой стремится воспроизвести звук так, как его может воспринять ребенок: «<...> “тр-тр-тр” – “пилит деревяжечку сверчок за печкой”, “бу-у-у” – “гудело на чердаке»» (Толстой, 2016, с. 13). Кроме этого, мальчик слышит, как «нежно звенят хрусталики» (Толстой, 2016, с. 24) лампы. Он подмечает особенность голоса Анны Аполлосовны, для передачи которого использован эпитет «густой» (голос), в основе которого лежит соединение физического состояния и абстрактного понятия. Мир «слышимый» для Никиты наполнен фырканьем ежа Ахилки, мяу-

каньем кота, хлопаньем крыльев вороны. Герой слышит, как «визжали полозья» (Толстой, 2016, с. 25), кричали и свистели крестьянские мальчики. Для описания восприятия звуков Никитой автор прибегает к приему олицетворения, что обусловлено детской склонностью к одушевлению и очеловечиванию мира природы. Кошачье мяуканье в восприятии Никиты перерастает в человеческую речь, кукушка «закуковала печальным, одиноким, нежным голосом» и «благословила всех, кто жил в саду» (Толстой, 2016, с. 13). Существительное «голос» и глагол «благословила» – ключевые слова, осуществляющие перенос свойств человека на образ птицы. Пересвист скворца Желтухина превращается в восприятии Никиты в умение «хорошо говорить по-русски» (Толстой, 2016, с. 15). Обычно так говорят об иностранце, раньше не знавшем языка другого народа. Герой воспринимает скворца как «иностранца», выучившего русский язык.

Большую роль при создании образа Никиты играют обонятельные образы, что передает непосредственное, чувственное восприятие мальчиком окружающего мира. Образы-запахи в детском восприятии ассоциируются с уютом родного дома: «пахла уютно пыль на карнизе», «гниловатый сладкий» запах яблок в коридоре, «пахло теплой штукатуркой» (Толстой, 2016, с. 55). Иными словами, совокупность запахов для Никиты концентрируется вокруг одного смыслового центра – Дома (пыль, стены, еда).

Ваня видит окружающий мир, расцвеченным яркой палитрой красок. Для этого автор подбирает «точные, насыщенные, изобразительные» эпитеты и метафоры: «суеются золотинки», «черная каша галок в небе» (Ильин, 1991, с. 181). И. С. Шмелев использует сложные, составные красочные определения: «ледяно-хрустальный», «льдисто-пылающие», «матово-млечно-льдистый». Автор украшает язык произведения не только обычными цветообозначениями («голубой», «розовый», «румяный»), но и словами, передающими оттенки и полутона («золотисто-коричневый», «бело-зеленый»). В шмелевском тексте в одном ряду могут стоять эпитеты, характеризующие и мир человека, и физическое состояние вещей: «Живой, кристально чистый» (Шмелев, 1980, с. 80). И. А. Ильин называл слова, используемые И. С. Шмелевым, «разливчатыми», «сочными», «свежими», «неожиданными» (Ильин, 1991, с. 149).

Окружающий мир для Вани, как и для Никиты, полон разнообразных запахов. Природа приносит с собой запахи времен года: зимы («крепкий, морозный воздух»), весны («священный, маслянистый запах духового тополя», «зеленая вербочка»), лета («пыльно-зеленые деревья и небо», «вязкий и вялый запах лопуха») (Шмелев, 1980, с. 27, 38, 50). Мальчик особенно восприимчив к запахам предметов и вещей. Для их передачи автор прибегает к использованию красочных определений: «мышиный, могильный» запах от церковного креста, «елочный, живой» – от лопатки (Шмелев, 1980, с. 17, 28). Чаще всего запахи природы и вещей в детском восприятии соединяются, становясь материальным воплощением того или иного состояния. «Радости» пахнут духами и кожей отцовской сумки, флердоранжем (духами матери), парадной пролеткой. «Скорби» наполнены запахом свеч, «святость» пахнет молоком. Мышление мальчика может выстраивать цепь сложных ассоциаций, где все со всем связано и вытекает друг из друга: яблоко пахнет апельсином, «чудесной радостью», воздух пахнет «белой зимой» (Шмелев, 1980, с. 10, 18), свежесть – арбузом, тополь – ладаном.

Ваня необыкновенно восприимчив и к звукам окружающего мира. Природа для него наполнена разнообразной музыкой, богатством мелодий: «В природе все говорит, поет; и ему (Ване. – Е. Ш.) самому, и читателю – и трава, и роса, и земля» (Ильин, 1991, с. 157). Исследователь приводит примеры «точных» и «насыщенных» слов, использованных И. С. Шмелевым для передачи звуковых образов: «таратанье мартовской капли», «арбузы с подтреском», «хряпкают топоры» (Ильин, 1991, с. 157). Автор может описать звуки, присущие природе, с помощью метафоры: «морозный хруст». Чаще всего И. С. Шмелев использует прием олицетворения: «плачущая капель», снег «попискивает тонко-тонко», полынья и Москва-река «дышат» (Шмелев, 1980, с. 17, 21, 39). Ваня также остро улавливает звуки, издаваемые животными: шуршание тараканов за печкой, вой собаки Бушуя. Издают звуки фрукты и овощи, употребляемые людьми в пищу: звонко хрустят капуста и яблоки.

Мир музыкальных звуков, окружающих Ваню, включает молитвенные песнопения и народные песни. Эти две грани соединяются в детском восприятии в одну мелодию: молитвы «стелются по саду» (Шмелев, 1980, с. 34), церковью становится роща, в саду в православный праздник будто бы совершается служба. Подчеркнем, что Никите и Ване свойственны непосредственность и яркость восприятий и ощущений не только мира людей, но и животных. Однако у шмелевского героя это свойство детской психики дополнено ощущением Божьего присутствия в земной реальности.

Мышление Никиты и Вани в основе своей одинаково предметно, вещественно, образно, что является особенностью детей их возраста. Когда Никита думает о никогда не виденной им Вассе Ниловне, он представляет ее в виде «длинной, унылой женщины в серой кофточке, со шнурком от часов и одной ногой ее прикрепленной к ножке кровати» (Толстой, 2016, с. 24). Так образно мальчик воспринимает выражение «прикована к постели больной матери» (Толстой, 2016, с. 24). Автор использует прием, обратный олицетворению, в основе которого лежит перенос свойств предмета на человека: «Швея Софья была такая скучная девица, словно несколько лет валялась за шкапом, – ее нашли, почистили немного и посадили шить» (Толстой, 2016, с. 29). Эту особенность приема «остранения» предметности, характерного для детского мышления, отметил А. П. Налдеев (Налдеев, 1974, с. 25). Он приводит следующие примеры представления окружающего мира Никитой вещественно, образно: «полная подушка снов», «в синих глазах Лили горело по елочке» (Толстой, 2016, с. 34, 42). Л. М. Поляк тоже пишет об «иллюзии детского восприятия жизни, детского мышления», переданного А. Н. Толстым, которое «создается благодаря изображению обычного мира будничных вещей, предметов быта, природы, искусства в необычном, освеженном, обновленном виде, в “остраненной” форме» (Поляк, 1964, с. 136). Так, в неожиданном ракурсе видит Никита, засыпая, домашнюю обстановку, мебель в зале. «Остраненно» мальчик воспринимает картинку в журнале «Нива», изображающую молодую девушку и юношу. Никита дает девушке имя Эльза, так как нарисовал картинку немецкий художник. Он представляет ее скучающей, воображает тоскующего отца Эльзы, находящегося вне сюжета картины. При воссоздании этого эпизода писатель использует оборот «покормит, покормит голубей и делать ей больше нечего – скука» (Толстой, 2016, с. 32), который по своей конструкции приближен к речи ребенка. Сравнение «оскалился, точно болит живот» (Толстой, 2016, с. 32) передает образный характер детского мышления, устанавливающего необычную причинно-следственную связь действий и состояний человека.

Л. М. Поляк расширяет сферу наблюдений над конкретностью мыслительных действий героя толстовской повести: «Сравнения, метафоры тесно связаны с предметами, вещами, окружающими ребенка, взяты из сферы близкой и доступной ему. Длинный палец учителя Аркадия Ивановича напоминает Никите карандаш, рыжая бородача “страшного мужика” Артамона сравнивается с веником» (Поляк, 1964, с. 135). Автор использует прием перифразы (Л. М. Поляк) для подчеркивания конкретности мышления героя-ребенка: Лилия «взяла обеими руками большую чайную чашку и опустила туда лицо» (Толстой, 2016, с. 44), и эта живая картинка заменяет выражение «пила чай». Данная перифраза конкретизирует определенные действия человека.

Толстовский герой предстает «первооткрывателем окружающего мира» (Оклянский, 1982, с. 428). Никита «увлечен “открытием вещей”», «его занимает процесс “делания”, создания вещей», например, «со всеми подробностями описывается, как “делают” скамейку для катания с гор или крахмал для склеивания елочных игрушек» (Поляк, 1964, с. 138). Сфера мыслительной деятельности героя дополняется способностью к творчеству, сочинению стихов. В качестве рифмы мальчик использует лексические повторы «мой лес», «люблю тебя, лес», что напоминает рифмовку, встречающуюся в русской народной песне. Единственное созвучие («дикарей» и «зверей») соответствует классическим правилам стихосложения. Детское творчество ограничено контекстом народно-поэтической культуры, в которой растет и формируется ребенок.

Процесс рассуждения Вани проистекает в русле «перевода» абстрактных понятий в конкретные, овеществленные: «<...> какая душа? Хочу, чтобы показалась мне, и боюсь. В какой она одежде? Похожа на живое? Может слышать меня и говорить?» (Шмелев, 1980, с. 68). Ребенок еще не может постигнуть такие сложные понятия, как Бог, ангелы, душа. Ему требуется их зрительное представление. Необъяснимое с точки зрения конкретного видения Ваня называет

общими словами ТАК, ОНА, ОН, заключающими в себе множество смысловых значений: «Где-то ТАМ, кроме всего, что здесь, есть еще, невидимое, которое где-то ТАМ» (Шмелев, 1980, с. 68). Переживая смерть отца, Ваня с несвойственной для семилетнего ребенка серьезностью начинает постигать глубокие онтологические понятия. Эти внутренние диалоги мальчика строятся в соответствии с логикой рассуждения, с наличием тезисов, доказательств, выводов, риторических вопросов: «Что это значит, готовиться к смерти? Что останется от отца? И мы все уйдем ТУДА, когда придет срок. Бог все знает» (Шмелев, 1980, с. 68). Все, что остается неясным, Ваня объединяет в единое решение, сопряженное с православно-христианскими установлениями. Мальчик осознает неизбежность происходящего с человеком, принимает свою судьбу, так как человеку не дано постичь высший замысел. Его удел – верить в особый Божий промысел. Ваня – истинно верующий христианин, который не позволяет сомнениям разрушить устоявшиеся в православии представления о смерти и коротком земном пути человека. Размышления маленького героя находятся в русле религиозных представлений и понятий: исповедь, грех, покаяние. Он постоянно задумывается о греховности – и своей, и других людей. Подчеркнем, что стремление к конкретизации проявляется и здесь: после исповеди Ваня ощущает, что грехи отпускаются ему – как «груз с плеч долой» (Шмелев, 1980, с. 69). Размышляя об образах Библии, Ваня не может понять, как Михаил Архангел может оставить следы, если он «ходит по воздуху» (Шмелев, 1980, с. 69). Итак, конкретность и вещественность мышления свойственна обоим героям, Никите и Ване. Однако в «Лете Господнем» связь с православно-христианской культурой выходит на философско-религиозный уровень, при этом «происходит встреча мироосвящающего православия с разверстой и отзывчиво-нежной детской душой» (Ильин, 1991, с. 181).

Жизнь Никиты и Вани, как многих детей в их возрасте, насыщена множеством разных событий. Наиболее важным из них становится игра. Никита с деревенскими мальчишками «поджигает кошки», устраивает «бои» «наших» с «чужими», строит крепости из снега, «катается с гор» (Толстой, 2016, с. 15). Ваня с друзьями, детьми сапожников, скорняков, проигрывает библейский сюжет о волхвах и Вифлеемской звезде, а случается – и дерется. Никите и Ване свойственно шалить, как всем детям. Так, Ваня съедает без разрешения вкусные «лесенки» из теста, а Никита прячется от учителя в пещерке из снега. Никита и Ваня обожают кататься зимой на санках с горок, по льду на коньках. Никита летом купается в пруду, участвует в сенокосах, молотье, так же как и Ваня, – в стирке белья на Москве-реке, сборе яблок. Мальчики принимают участие в поездках с родными по хозяйственным нуждам: Никита едет на ярмарку, Ваня – на Постный рынок.

В повести А. Н. Толстого Никита единственный раз едет к заутрене на Пасху и проникается атмосферой святости: «Все, что было сделано за год плохого, – все простилось в эту ночь» (Толстой, 2016, с. 93). Ваня бывает в церкви регулярно, ходит на Божественную литургию и всенощную службу. Мальчик растет в атмосфере православной обрядности: несет «от Евангелий страстную свечку», «христосуется» (Шмелев, 1980, с. 25, 33), стоит на коленях при молитве.

Оба мальчика много читают, но круг их чтения принципиально различен. Никита увлечен сюжетами произведений американского писателя-романтика Фенимора Купера о похищении прекрасных девушек, мире прерий и дикарей. Чтение этих приключенческих книг воспламеняет и без того пылкое воображение ребенка, дает пищу для развития фантазии. Книги, которые читает Ваня, исключительно православно-религиозного содержания. Мальчик пытается постичь Священное Писание. Он пока не готов к восприятию столь серьезных текстов, но его воспитатель, Михаил Панкратович Горкин, считает, что с детских лет ребенку необходимо читать библейские тексты. Мальчик хорошо знает Закон Божий, читает «Священную историю» Афинского, но слова книги не могут быть в полной мере осознаны семилетним ребенком. Гораздо легче Ване проникнуть в смысл Священной истории через устное слово, живой рассказ. Мальчику близко то, что он пережил на собственном опыте. Так, прочитав в хрестоматии рассказ о том, как старик посадил горошину и она доросла до неба, представляет, что по гороху можно было бы доползти до неба и увидеть рай. Ваня читает книгу про целителя Пантелеимона и всем сердцем верит, воспитанный в христианском знании чуда исцеления, в скорое выздоровление отца.

Выводы

Анализ романа «Лето Господне» И. С. Шмелева и повести «Детство Никиты» А. Н. Толстого позволил выявить следующие черты сходства в изображении темы детства: поэтизация детства (образ детства как «золотой поры»), тема радости бытия, воссоздание конкретно-образного детского мышления. В центре повествования обоих произведений находится образ ребенка, переданы особенности детского мировосприятия и миропостижения. Основная тема произведений – формирование детской души. Важную роль в становлении личности ребенка играет родная природа и ближайшее окружение (семья, учителя, воспитатели). Герои произведений И. С. Шмелева и А. Н. Толстого – маленькие «естествоиспытатели», «открывающие» вещи и предметы, художники, по-особому видящие и воспринимающие окружающий мир. В текстах раскрывается значительное влияние чтения на эмоциональное и духовное становление детей. Быт, реальная жизнь в детском восприятии предстает не обыкновенной, но чудесной, полной особого очарования. Вместе с тем стоит отметить существенные отличия в изображении темы детства в произведениях И. С. Шмелева и А. Н. Толстого. Герой романа «Лето Господне» формируется в контексте православной культуры, постигая высшие христианско-нравственные духовные начала. Ребенок в повести «Детство Никиты» воспринимает прежде всего общечеловеческие правила поведения и отношений между людьми, представлений о смысле человеческого существования, оставаясь в границах секулярного мировоззрения. При этом герои-дети обоих произведений предстают в тесной связи с народной средой, включены в круг крестьянского труда и народного творчества, воспитываются в осознании глубоких духовных связей с жизнью родного народа и, шире, России.

Источники

- Елизаветина Г. Г. (1985) Традиции русской автобиографической повести о детстве в творчестве А. Н. Толстого. В кн.: А. Н. Толстой. Материалы и исследования. М., Наука, с. 120–139.
- Ефимова Е. С. (1992) Священное, древнее, вечное. Мифологический мир «Лета Господня». Литература в школе, № 3, с. 36–41.
- Злыгостева Н. (1995) Счастливая, невозвратимая пора детства. Литература в школе, № 4, с. 24–27.
- Ильин А. А. (1991) О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. М., Скифы, 196 с.
- Ильин И. А. (2000) Переписка двух Иванов (1927–1934). М., Русская книга, 553 с.
- Кошелева М. В. (2012) Образ идиллического хронотопа в повести А. Н. Толстого «Детство Никиты». Дергачевские чтения – 2011: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы X Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И. А. Дергачева, Екатеринбург, 6–7 октября 2011 года: в 3 т. Екатеринбург, Издательство УрГУ, с. 164–167.
- Крюкова А. М. (1990) А. Н. Толстой и русская литература: Творческая индивидуальность в литературном процессе. М., Наука, 257 с.
- Мальцева Т. В. (2013) Ребенок и православная вера в книге И. С. Шмелева «Лето Господне». Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, № 4, т. 1, с. 82–94.
- Морозов Н. Г. (2000) Традиции святоотеческой духовности в повести И. С. Шмелева «Лето Господне». Литература в школе, № 3, с. 26–31.
- Мущенко Е. Г. (1983) Поэтика прозы А. Н. Толстого. Воронеж, Издательство Воронежского университета, 106 с.
- Налдеев А. П. (1974) Алексей Толстой. М., Советская Россия, 255 с.
- Оклянский Ю. М. (1982) Шумное захолустье: из жизни двух писателей. Куйбышев, Книжное издательство, 235 с.
- Пак Н. Ю. (2000) Пути обретения России в произведениях Б. Зайцева и И. Шмелева. Литература в школе, № 3, с. 34–39.
- Перепелкин М. А. (2020) Структура и смысл «усадебного топоса» в повести А. Н. Толстого «Детство Никиты». В кн.: Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина. М., ИМЛИ РАН, с. 252–261.
- Поляк Л. М. (1964) Алексей Толстой-художник. М., Наука, 462 с.
- Руднева Е. Г. (2002) Магия словесного разнообразия (О стилистике И. С. Шмелева). Филологические науки, № 4, с. 60–65.
- Сальникова В. В. (2014) Колоративная лексика в языковой картине мира героев произведений С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» и А. Н. Толстого «Детство Никиты». Современные проблемы науки и образования, № 2, с. 552.
- Тарасов Б. Н. (1995) Детство в творческом сознании русских писателей. Литература в школе, № 4, с. 19–23.
- Толстой А. Н. (2016) Детство Никиты. М., Омега, 157 с.
- Шмелев И. С. (1980) Лето Господне. М., Художественная литература, 527 с.

References

- Efimova E. S. (1992) Svjashhennoe, drevnee, vechnoe. Mifologicheskij mir "Leta Gospodnya" [Sacred, ancient, eternal. The mythological world of the "Summer of the Lord"]. Literature at school, no. 3, pp. 36–41 (In Russian).
- Elizavetina G. G. (1985) Tradicii russskoj avtobiograficheskoj povesti o detstve v tvorcestve A. N. Tolstogo [Traditions of the Russian autobiographical story about childhood in the works of A. N. Tolstoy]. In: A. N. Tolstoj. Materialy i issledovanija [A. N. Tolstoy. Materials and research]. Moscow, Nauka Publ., pp. 120–139 (In Russian).
- Il'in A. A. (1991) O t'me i prosvetlenii. Kniga hudozhestvennoj kritiki: Bunin, Remizov, Shmelev [About darkness and enlightenment. The Book of Art Criticism: Bunin, Remizov, Shmelev]. Moscow, Skify Publ., 196 p. (In Russian).
- Il'in I. A. (2000) Perepiska dvuh Ivanov (1927–1934) [Correspondence between the two Ivanovs (1927–1934)]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 553 p. (In Russian).
- Kosheleva M. V. (2012) Obraz idillicheskogo hronotopa v povesti A. N. Tolstogo "Detstvo Nikity" [The image of an idyllic chronotope in A. N. Tolstoy's novella "Nikita's Childhood"]. Dergachevskie chtenija – 2011: Russkaja literatura: nacional'noe razvitie i regional'nye osobennosti: materialy X Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 100-letiju so dnja rozhdenija I. A. Dergacheva, Ekaterinburg, 6 – 7 oktjabrja 2011 goda: v 3 tomah [Dergachev Readings – 2011: Russian Literature: national development and regional peculiarities: materials of the X All-Russian Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of I. A. Dergachev, Ekaterinburg, October 6-7, 2011: in 3 vols.]. Ekaterinburg, UrGU Publ., pp. 164–167 (In Russian).
- Krjukova A. M. (1990) A. N. Tolstoj i russkaja literatura: tvorcheskaja individual'nost' v literaturnom processe [A. N. Tolstoy and Russian literature: (creative individuality in the literary process)]. Moscow, Nauka Publ., 257 p. (In Russian).
- Mal'ceva T. V. (2013) Rebenok i pravoslavnaia vera v knige I. S. Shmeleva "Leto Gospodne" [The Child and the Orthodox Faith in the book by I. S. Shmelev "The Summer of the Lord"]. Pushkin Leningrad State University Journal, no. 4, vol. 1, pp. 82–94 (In Russian).
- Morozov N. G. (2000) Tradicii svjatootecheskoj duhovnosti v povesti I. S. Shmeleva "Leto Gospodne" [Traditions of patristic spirituality in the story of I. S. Shmelev "The Summer of the Lord"]. Literature at school, no. 3, pp. 26–31 (In Russian).
- Mushhenko E. G. (1983) Pojetika prozy A. N. Tolstogo [The poetics of A. N. Tolstoy's prose]. Voronezh, Voronezh University Publ. House, 106 p. (In Russian).
- Naldeen A. P. (1974) Aleksej Tolstoj [Alexey Tolstoy]. Moscow, Sovetskaja Rossija Publ., 255 p. (In Russian).
- Okljanskij Ju. M. (1982) Shumnoe zaholust'e: iz zhizni dvuh pisatelej [A noisy backwater: from the lives of two writers]. Kujbyshev, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 235 p. (In Russian).
- Pak N. Ju. (2000) Puti obretenija Rossii v proizvedenijah B. Zajceva i I. Shmeleva [Ways of Finding Russia in the works of B. Zaitsev and I. Shmelev]. Literature at school, no. 3, pp. 34–39 (In Russian).
- Perepelkin M. A. (2020) Struktura i smysl "usadbnogo toposa" v povesti A. N. Tolstogo "Detstvo Nikity" [The structure and meaning of the "manor topos" in A. N. Tolstoy's story "Nikita's Childhood"]. In: Fenomen russskoj literaturnoj usad'by: ot Chehova do Sorokina [The Phenomenon of the Russian Literary estate: from Chekhov to Sorokin]. Moscow, IMLI RAN Publ., pp. 252–261 (In Russian).
- Poljak L. M. (1964) Aleksej Tolstoj-hudozhnik [Alexey Tolstoy-artist]. Moscow, NaukaPubl., 462 p. (In Russian).
- Rudneva E. G. (2002) Magija slovesnogo raznoobrazija (O stilistike I. S. Shmeleva) [The magic of verbal diversity (About the style of I. S. Shmelev)]. Philological Sciences, no. 4, pp. 60–65 (In Russian).
- Sal'nikova V. V. (2014) Kolorativnaja leksika v jazykovej kartine mira geroev proizvedenij S. T. Aksakova "Detskie gody Bagrova-vnuka" i A. N. Tolstogo "Detstvo Nikity" [Colorative vocabulary in the linguistic picture of the world of the heroes of S. T. Aksakov's works "The childhood of Bagrov-grandson" and A. N. Tolstoy's "Nikita's Childhood"]. Modern problems of science and education, no. 2, p. 552 (In Russian).
- Shmelev I. S. (1980) Leto Gospodne [The Summer of the Lord]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 527 p. (In Russian).
- Tarasov B. N. (1995) Detstvo v tvorcheskom soznanii russskih pisatelej [Childhood in the creative consciousness of Russian writers]. Literature at school, no. 4, pp. 19–23 (In Russian).
- Tolstoj A. N. (2016) Detstvo Nikity [Nikita's childhood]. Moscow, Omega Publ., 157 p. (In Russian).
- Zlygosteva N. (1995) Schastlivaja, nevozvratimaja pora detstva [Happy, irrevocable time of childhood]. Literature at school, no. 4, pp. 24–27 (In Russian).

Информация об авторе

Шестакова Елена Юрьевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка. Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) Федерального университета имени М. В. Ломоносова в г. Северодвинске, г. Северодвинск, РФ. ORCID ID: 0000-0001-5764-0576. E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

Autor's information

Elena Yu. Shestackova

Cand. Sc. (Philol.), Associate Professor of the Department of Literature and Russian Language. Humanitarian Institute of the branch of the Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov in Severodvinsk, Severodvinsk, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0001-5764-0576. E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru